

Оглавление

	Предисловие	5
Глава 1	Освобождение	7
Глава 2	Начало пути	11
Глава 3	Арест	15
Глава 4	Здравствуй, Бутырка!	23
Глава 5	Тюремные университеты	25
Глава 6	Матросская Тишина	29
Глава 7	Тюрьма в тюрьме	39
Глава 8	Следствие продолжается	57
Глава 9	Знакомство с делом	65
Глава 10	Суд начинается	73
Глава 11	Суд продолжается	81
Глава 12	Летние каникулы	91
Глава 13	Заседание продолжается!	99
Глава 14	Новогодний подарок	107
Глава 15	Последняя надежда	115
Глава 16	Этап	119
Глава 17	Добро пожаловать в Мелехово	127
Глава 18	Униженные и оскорбленные	147
Глава 19	Шопинг	149
Глава 20	Знакомство с тюремной медициной	153
Глава 21	Длительное свидание	155
Глава 22	Назад в будущее	157
Глава 23	Доблестный третий отряд	161

Глава 24	Швейный цех	165
Глава 25	Будни	169
Глава 26	Новый год	177
Глава 27	Свободная пресса	179
Глава 28	Курс на УДО!	183
Глава 29	Шапки	189
Глава 30	День открытых дверей	195
Глава 31	Вся жизнь — театр	197
Глава 32	День рождения — грустный праздник	201
Глава 33	Дом отдыха	203
Глава 34	Побег и кошки	207
Глава 35	Возвращение	211
Глава 36	Как я стал хорошим евреем	215
Глава 37	Прощай, третий отряд!	219
Глава 38	Приличные люди из первого отряда	223
Глава 39	Раб на галерах	227
Глава 40	Ошибка производства	235
Глава 41	Мертвые души	237
Глава 42	Серые будни	239
Глава 43	Великое переселение	243
Глава 44	Первое чудо	247
Глава 45	Общий режим	251
Глава 46	Второй отряд	257
Глава 47	Я — дебошир!	261
Глава 48	Путешествие из Владимира в Москву	265
Глава 49	Тучи сгущаются	271
Глава 50	И снова — раб на галерах	275
Глава 51	Харакири	281
Глава 52	Сладкий запах ванили	283
Глава 53	КВН	289
Глава 54	Кругом враги	293
Глава 55	Спартакиада народов ФСИН	297
Глава 56	Жизнь продолжается	301
Глава 57	Второе чудо	305
	Послесловие	307

Предисловие

То, что никто не читает

Предисловия писать почетно, а читать их глупо. Скорей, скорей к книге — и это правильно. Послесловие — да, почитать можно, если возникнут вопросы. Но здесь вопрос после прочтения один, и я не буду тут его воспроизводить ввиду его очевидности.

Про автора, Владимира Переверзина, сказать все-таки надо, хотя про него наверняка где-то здесь на обложке написано. Мы познакомились с ним меньше чем через месяц после его выхода из тюрьмы. Просто однажды на заседание «Руси сидящей» пришел очень красивый и стильный парень. С розами. Мне вообще-то не до него было, у меня как раз в это время родного мужа второй раз сажали, но парня я сильно заприметила, глаз хороший у него был, умный и веселый. Таким-то он и оказался, Володя Переверзин, только лучше. Снюхались мы с ним мгновенно. Кто ходит на митинги с флагом ЮКОСа? Володя Переверзин. Кто переписывается с сошедшими с ума от горя матерями погибших в тюрьмах ребят и тащит меня на край света за утешением? Володя Переверзин. Кто травит страшные тюремные байки так, что волосы стынут в жилах, и ноги сжимаются в кулаки, и плачешь, и смеешься, и вот тут тень любимого Чехова А. П. с нами в уголку уже скоро будет осязаема? Это Володя Переверзин. Кому можно позвонить в три часа ночи с оригинальным сообщением, что тут всех повязали и срочно нужна помощь? Это Володя Переверзин.

Я вам так скажу, дорогие читатели. Много чего я в тюрьмах повидала такого, во что нормальный человек поверить не сможет никогда, но вот в одну сцену я бы лично не поверила, несмотря на весь свой опыт, если бы не свидетели и если бы не фоточки в телефоне. Полетели мы как-то с Володей в Берлин, по делу срочно, на семинар на-

счет свободы. Хороший был семинар, душевный и полезный, а после семинара лично у меня был митинг запланирован напротив российского посольства. Ну и без Переверзина не обошлось. В общем, после митинга в хорошей берлинской компании временно отъехавших соотечественников ездили мы по разным делам и встречам целый день, плотно заполненный. И вот в конце этого дня едем мы в метро, и одна девочка, берлинская студентка, вдруг возьми да и скажи: я в теплое время года вот в такой майке на митинги хожу, а сегодня у меня сверху курточка. И на этом месте курточку расстегивает. И мы видим майку, на которой написано: «Свободу политзаключенным!» и фамилии. И первое, что мы видим, — Vladimir Pereverzin. Пауза. Володя смотрит на девочку, девочка — на него. И они медленно понимают. Они оба медленно узнают. Мы все узнаем, что происходит — что произошло, что еще будет происходить. За несколько секунд перед глазами, перед сердцем и мозгами пронеслась длинная и очень важная история. Сразу много важных историй, которые встретились в одной точке.

Политзаключенных в России все больше. Я хочу видеть такие сцены все чаще. И мне очень хочется, чтобы это видел наш дорогой читатель.

А про книгу я не буду. Это невозможно. Ибо это лучшее, что я когда-либо читала про тюрьму. То есть про волю.

*Ольга Романова,
журналист, основатель общественного движения
«Русь сидящая»*

Освобождение

Спальный район на юго-западе Москвы. Панельный дом серии П-44. Раннее утро. «Бззззззз...» Резкий звонок неожиданно врывается в мой сон. Я пытаюсь понять, откуда идет звук. Мобильник выключен, будильник я не заводил. Последние семь лет я ежедневно просыпался под вой сирены и истошные крики дневальных: «Барак, подъем!» Я не сразу понимаю, где нахожусь. Звонит домашний телефон, которым я практически не пользуюсь — я даже не знаю его номер. «Вы что, не слышите, как меня заливают?» — доносится до меня раздраженный женский голос. «Там же булькает!» — продолжает она. Я в панике бегу проверять батареи, которые мне меняли вчера. На полу лужа, из батареи тоненькой струйкой бежит вода. Я беру тазик и тряпки, пытаюсь бороться со стихией. Звоню сантехнику. Он утром включил стояки, и у меня обнаружилась течь. Неисправность устраняется быстро — вчерашние мастера забыли затянуть гайку. Мы спускаемся вниз к соседям, чтобы оценить нанесенный ущерб. Долго звоним в дверь. Нам никто не открывает. «Да пошла она... — бросает сантехник. — Раз не открывает, значит, не сильно ее и залили». Сантехник уходит по своим делам, а я возвращаюсь в квартиру. Опять звонит телефон. Опять соседка снизу. Она возмущенно что-то кричит в трубку. Пытаясь сгладить ситуацию, вежливо говорю ей:

«Я только что с сантехником спускался к вам, и вы не открыли».

«Я принимала душ», — отвечает она.

«Я могу сейчас спуститься к вам», — предлагаю я.

«Зачем?» — интересуется она.

«Чтобы оценить и возместить ущерб, который я вам нанес», — общаю я цель своего визита.

«Нет, я вас не пуцую. Я боюсь с вами рядом жить и не знаю, чего от вас ожидать», — выдает она.

* * *

Меня не было дома семь лет и два месяца. Все это время я жил за границей. За границей реальности, в другом, в параллельном мире, отделенном от этого колючей проволокой.

Сейчас я ни о чем не жалею. Я не жалею о том, что сделал, и о том, чего не сделал. Если бы можно было повернуть время вспять, то я сделал бы ровно то же самое. Мои поступки были мотивированы жизненной позицией и предопределены полученным воспитанием. Мне не стыдно смотреть в глаза сыну, мне не стыдно было бы взглянуть в глаза отцу, который умер во время суда, так и не дождавшись меня. Я считаю, что ничто не проходит бесследно, ничто не сойдет с рук. За грехи рано или поздно придется отвечать. Не ответишь ты — расплачиваться будут твои дети или внуки...

За эти годы прошла целая жизнь. Как можно оценить отнятые семь лет и два месяца? Да и можно ли это сделать вообще? Умер мой отец, без меня вырос сын. Как оценить сломанную жизнь, подорванное здоровье, разрушенную карьеру?

Я счастливый человек. Мне повезло. Я провел там семь лет и два месяца. Повезло, что я освободился. Были моменты, когда я не без оснований думал, что меня никогда не освободят.

Я часто слышал вопрос: «Как вы стали подельником Ходорковского?» Не без иронии я всегда отвечал на него: «Просто повезло!»

После семилетнего заключения я оказался дома.

Свобода! Лишенный более чем на семь лет простых человеческих радостей, на которые в обычной жизни и внимания не обращаешь, я начал по-новому воспринимать многие вещи. Принять душ или ванну было несбыточной, неосуществимой мечтой все эти годы. Радует каждая мелочь, каждый пустяк. Радует возможность надеть нормальную одежду, поваляться на кровати на человеческом белье. В местах лишения свободы по непонятным причинам строжайше запрещены пододеяльники. Я катаюсь на метро, захожу в кафе, где пью кофе и ем мороженое, получаю массу приятных впечатлений от похода в магазин...

К моему удивлению, не разверзлось небо, не поразило оно молниями моих гонителей, не произошло солнечного затмения. Все было как-то обыденно, и я бы сказал — как-то серенько. Так же безучастно снуют автомобили, спешат куда-то люди, не обращая на меня никакого внимания...

А мне хотелось закричать на всю вселенную: «Люди, ау, я освободился, слышите?!» Сердце мое разрывалось, мне хотелось и плакать,

и смеяться. Я сам не верил и не осознавал, что свободен. **Я до последнего момента не верил, что меня освободят.** После всего того, что со мной происходило во время заключения, я ожидал любых пакостей и провокаций. И сотрудники колонии не упустили возможности напоследок хоть немного, да напакостить...

Обычно освобождение происходит следующим образом. Около десяти часов утра всех освобождающихся вызывают в дежурную часть с вещами, провожают на КПП, где проверяют их личности, а удостоверившись в том, что это именно те люди, выводят на свободу. К этому времени приезжают родственники и друзья, которые тебя и встречают. Ты ждешь этого момента долгие годы. Момент встречи радостный, волнительный и долгожданный.

Со мной все было несколько иначе. В момент подъема в шесть утра меня лично разбудил начальник отряда — капитан внутренней службы. «Иди в дежурку с вещами! — произнес он. — Собирайся на освобождение». Я, честно говоря, напрягся. Попросив одного заключенного проводить меня, направился со своим скарбом, умещающимся в небольшой баул, в дежурную часть. Дежурный офицер повел меня в сторону КПП. Открыв тяжеленную дверь, разделяющую два мира, я предстал перед другим милиционером. «Имя? Фамилия? Год, дата и место рождения? Место жительства? Дата регистрации брака?» — сыпались на меня вопросы. «Повернитесь так и эдак», — офицер сличал меня с фотографиями. Убедившись в том, что я — это я, что под моей личиной не освобождается кто-то иной, мне выдали справку об освобождении, паспорт, вещи и деньги, находившиеся у меня на счете. Я выхожу на улицу. Темно. Время — 06:15 утра. Меня встречает оперативник, замначальника колонии по оперативной работе и один неизвестный в гражданском. Мне вежливо предлагают сесть в автомобиль. Я в панике! Куда везут?! Может, какое новое обвинение предъявят? А может, и вообще убьют, а труп закопают?! Но деваться некуда и некуда идти. Я покорно сажусь в автомобиль.

«Куда подвезти? На вокзал или автостанцию?» — спрашивает меня оперативник.

Я выбираю автовокзал. Мне дали позвонить, чтобы предупредить родственников. И вот я, в чудовищного вида телогрейке с биркой на груди, в не менее чудовищной шапке, в зэковских ботинках, в таких же штанах, с сумкой в руке оказываюсь на автовокзале города Покрова. Чтобы не пугать прохожих, я отдираю бирку с телогрейки и, сняв и спрятав шапку, захожу в пустое в этот ранний час придорожное кафе. Благо есть деньги. Не могу не отметить, что государство трогательно заботится о зэках, выдавая выходное пособие в размере вось-

мисот рублей. Я покупаю себе кофе, кекс и мороженое. Сажу и думаю, что делать дальше. Решаю взять такси. Спустя двадцать минут серебристый «рено меган» с надписью на борту «Такси г. Покрова» несет меня на долгожданную встречу с моими близкими. Мы встречаемся на трассе между Владимиром и Москвой, в населенном пункте Обухово. Слезы радости, объятия. Мне не стыдно об этом говорить, но я плакал. Люди, которые были рядом со мной все эти годы. Друг Леонид Беленький, сын Денис и жена Ирина. Я переодеваюсь в нормальную одежду. Арестантскую форму мы складываем в сумку и сжигаем на обочине. Пьем шампанское — первое шампанское за семь лет и два месяца! Ура! Ура! Я на свободе, и это не сон. Начинается новая жизнь...

* * *

15 октября 2012 года. С Владимиром Малаховским я сижу в небольшом кафе у метро «Парк культуры». Он освободился неделю назад. Это первая наша встреча на свободе. До этого мы виделись только в судах, где и познакомились. Мы сидим и пьем кофе. Эмоции переполняют меня, мне хочется встать и закричать: «Люди! Посмотрите на нас! Мы отсидели за хищение тринадцати миллиардов долларов и отмыwanie восьми миллиардов! Вы нам верите?!» Очевидно, нас приняли бы за сумасшедших. Выпив кофе, мы заходим в метро и расстаемся. Каждый едет по своим делам. Владимир идет на радиальную линию, а я на кольцевую. «Что за бред?» — скажете вы и будете правы. Не было никаких миллиардов, как не было и хищений. Но были годы, проведенные в тюрьмах и лагерях. Годы, проведенные в угоду чьих-то личных интересов и амбиций. Годы, которые у нас украли, которые никто уже не вернет.

Я хорошо помню день, когда моя жизнь перевернулась. 16 декабря 2004 года. День моего ареста. День, который поделил мою жизнь на две части. На жизнь «до» и жизнь «после». Тогда я не мог поверить в то, что это происходит со мной. Сейчас я не могу поверить в то, что это все уже случилось, и когда я пишу эти строки, меня не покидает ощущение, что я пишу не о себе, а о каком-то другом человеке, с которым все это и произошло. Словно я смотрел о нем фильм или читал книгу. Об этой «книге» и пойдет речь...

Начало пути

Родился я в Москве, в обычной семье. Детство и юность прошли на окраине города в районе Чертаново. Моя жизнь не отличалась от жизни многих сверстников. Обычная районная школа, занятия спортом в школе «Самбо-70». Мысли о спортивной карьере. После окончания школы я стоял на распутье, раздумывая над поступлением в Институт физкультуры. Но сделал выбор в пользу профессии экономиста. Окончив институт, я недолго проработал в Мособл-исполкоме, после чего попал на работу в Госкомспорт СССР, в Управление внешнеэкономической деятельностью.

Шел 1991 год. Работа наша заключалась в учете доходов и расходов различных спортивных федераций. Например, выиграли наши фигуристы чемпионат мира — получили премию. Премия идет в общий котел, перераспределяется на содержание ничего не зарабатывающих спортивных федераций. Я работал в отделе сводного валютного планирования — сводил воедино все финансовые потоки. Председатели спортивных федераций, знаменитые спортсмены были частыми гостями в нашем отделе. Работа считалась престижной и неплохо оплачивалась. Меня же мучили угрызения совести, и я чувствовал себя лишней надстройкой, паразитирующей на спортсменах.

И когда в одной газете я увидел рекламное объявление «Коммерческому банку требуются специалисты по внешнеэкономической деятельности», то, недолго думая, откликнулся на него. Это был Коммерческий инновационный банк научно-технического прогресса, позже переименованный в банк «Менатеп». Моя банковская карьера началась с должности эксперта отдела международных расчетов — иными словами, я работал рядовым операционистом. Стремительно рос и развивался банк, а вместе с ним двигалась и моя карьера. Старший операционист, заместитель начальника отдела международных расчетов,

начальник отдела — это не полный перечень моих должностей. Постепенно, преодолевая ступеньку за ступенькой, я взбирался по карьерной лестнице.

В 1994 году я сделал остановку, по линии Британского совета уехав на стажировку в Великобританию в University of Leeds. Спустя год я вернулся в Россию и пошел работать в ставший родным банк «Менатеп», где возглавил главное валютное управление. А через год банк открыл филиал на Кипре, куда я и уехал. Оставался я там недолго, около года. Наступил 1998 год, грянул финансовый кризис, и банк прекратил свое существование.

Без работы я долго не сидел — устроился в ОАО «НК ЮКОС». Когда в ЮКОСе решили открыть филиал на Кипре, моя кандидатура всплыла сама собой. Финансовый директор компании Мишель Сублен озвучил мне задачи и условия работы, и вот я уже пакую чемоданы и вылетаю на Кипр. Для ЮКОСа я был находкой, и буквально сойдя с трапа самолета, я принялся за работу. Через полгода компания имела на острове полноценно функционирующий офис со штатом сотрудников, где продолжал работать и я. Мой начальник Мишель Сублен ушел из ЮКОСа, не попрощавшись со мной, не выполнив своих обязательств и договоренностей. Когда я пришел на прием к занявшему его место американскому гражданину Брюсу Мизамору со своими претензиями, он удивленно посмотрел на меня и по-хозяйски заявил, что если меня что-то в ЮКОСе не устраивает, то я могу катиться на все четыре стороны.

Подельников своих, с которыми, как позже выяснится, я все это время воровал нефть, я еще не знал, как, впрочем, и самого Ходорковского, с которым, с учетом выполняемой мной работы в компании, я даже в теории не мог встретиться — уровень решаемых задач не тот, а Лебедев, как мне помнится, в ЮКОСе не работал вообще. Я не нашел ничего лучшего, как последовать совету американца — уволился без выходного пособия. Находиться без работы я долго не мог. Через несколько месяцев я стал заместителем председателя правления одного из банков и, как мне тогда казалось, вычеркнул из своей памяти ЮКОС навсегда. Но судьба распорядилась иначе, прочно связав меня с этой компанией...

* * *

Декабрь 2004 года. Платон Лебедев и Михаил Ходорковский уже арестованы. Их арест тогда казался мне какой-то ошибкой, событием настолько далеким, что представить, что это коснется и меня, я не мог.

В то время, уволившись из ЮКОСа в 2002 году, я работал заместителем председателя правления одного из банков. У меня все было более чем хорошо. Ничто не предвещало беды. Я часто спрашиваю себя: как бы я поступил, если бы заранее знал обо всем, что случится? Пришел бы я на допрос? Тогда у меня не было оснований опасаться, так как я был чист перед законом. Не знаю. Все случилось так, как случилось. Сейчас я ни о чем не жалею.

По-разному сложились и судьбы людей, которые «не пришли на допрос». Далеко не у всех все хорошо. Хотя многие и выиграли в этой ситуации...

После ареста мой адвокат обратится к моему преемнику на Кипре Артему Бутовскому с просьбой дать некоторые документы о работе компании. Тот, недолго думая, в обмен на документы затребует крупную сумму. Такой суммы у меня не было, и, посоветовавшись с адвокатом, я решил отказаться от этой идеи и обойтись без документов. Артем был странным человеком. Такой же наемный сотрудник, как и я, он придет на Кипр, чтобы заменить меня после увольнения (за два года до моего ареста). Уезжая с Кипра, я передам ему все — офис, документы, машину, квартиру и даже мобильный телефон. Когда на этот телефон придет предназначенная мне эсэмэска («Вас ждет прекрасная блондинка в баре»), Артем прилетит в этот бар на своем любимом мотоцикле. Он с таким же успехом мог подменить меня и на скамье подсудимых. Следователям Генеральной прокуратуры было абсолютно все равно, кого сажать...

У меня оставались друзья и знакомые, по-прежнему работающие в ЮКОСе, к которым я иногда заходил в офис на Дубининской улице. Обычно мы встречались в кафе для сотрудников. Так однажды встретился с приятелем. У меня в руках газета «Коммерсантъ», я читаю, как тогда казалось, ничего не значащую для меня статью (а на самом деле — судьбоносную), где говорится о хищениях нефти в ЮКОСе и аресте некоего В. Малаховского. Я с недоумением спрашиваю Бориса: «Как же в ЮКОСе можно было что-то украсть? Там же царит тотальный учет и контроль. Все забюрократизировано и зарегламентировано. Бесконечные согласования, аудит внутренний, аудит внешний, служба безопасности...»

«Я не знаю», — пожимает плечами Борис.

«А кто такой Малаховский?» — продолжаю я.

«Понятия не имею», — отвечает Борис.

Позже этот Малаховский окажется «моим поделником», с которым, по странному стечению обстоятельств, я познакомлюсь лишь во время суда. Хочу отдать должное Борису, который выступит в суде в ка-

честве свидетеля защиты и расскажет эту историю. А даже если бы мы и были знакомы? Ну и что? Мы работали в одной организации, были наемными сотрудниками, выполняющими свои должностные обязанности. Ни больше и ни меньше. Но в нашем случае мы не были знакомы, никогда не виделись. Этот факт не мешает признать нас виновными в хищении нефти, добытой ЮКОСом за все время его существования, и приговорить к чудовищным срокам. Суд фактически решит, что в ЮКОСе только и делали, что воровали нефть, а вся деятельность компании была незаконной. Незаконно платили миллиарды долларов налогов в бюджет России. Что можно говорить, если в качестве доказательств «преступной деятельности» фигурировала моя трудовая книжка, официальная финансовая и налоговая отчетность компании?! Меня осудят лишь за факт работы в компании ЮКОС. Звучит чудовищно, но на моем месте мог оказаться любой сотрудник компании. А выбор пал на меня...

Ноябрь 2004 года. Мне звонит отец, в квартире которого я прописан.

«Володя, тебе пришла повестка на допрос в Генеральную прокуратуру», — сообщает он мне. Он умрет, пока я буду сидеть, не дожив даже до вынесения приговора, когда мне дадут одиннадцать лет строгого режима...

Я встречаюсь с ним, беру эту повестку и, наивный, иду в Генеральную прокуратуру. Иду с адвокатом. Первый допрос в мрачном здании в Техническом переулке. Обычные вопросы. По совету адвоката, предоставленного мне ЮКОСом, я отказался от дачи показаний, сославшись на 51-ю статью Конституции¹. Сейчас, задним числом, анализируя произошедшее, я понимаю, что это было моей роковой ошибкой. Но тогда, в конце ноября 2004 года, выйдя из здания, я беззаботно вернулся в обычную колею. Этот допрос стоил мне должности заместителя председателя правления банка, акционеры которого вежливо попросили меня написать заявление об уходе. В здание прокуратуры я вошел безработным, полным планов и надежд на светлое будущее. В таком же беззаботном настроении я вышел из этого здания. Мне было чем заняться. Где-то я даже порадовался, что освободился от оков наемного менеджера и наконец-то смогу сосредоточиться на собственных проектах.

Преддверие Нового года. Предпраздничная суета, всюю идет покупка подарков и подготовка к Новому году. Уже куплены билеты и оплачен отель. Всея семьей мы решили отпраздновать Новый год в Праге. Я весь в хлопотах и заботах. 16 декабря 2004 года. Ресторан

¹ Согласно статье 51 Конституции РФ «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников». — *Прим. авт.*

«Ноев ковчег». У меня деловой обед с председателем правления одного из банков. Это приятная женщина, с которой я мило беседую. Неожиданно звонит телефон. В трубке раздается незнакомый голос:

«Владимир Иванович?»

«Да», — отвечаю я.

«Вас беспокоит следователь Асадулин. Не могли бы вы приехать по адресу Большая Пионерская, дом 20?»

«Сегодня не могу, — говорю я. — Подъеду завтра».

Следователь настаивает:

«Нет, надо подъехать сегодня, минут на двадцать!»

Не екнуло у меня сердце, не сказал мне внутренний голос: «Беги, Володя, беги!». Уже арестованы Лебедев и Ходорковский. Арестован тогда еще не известный мне Малаховский, о котором я читал в «Коммерсанте». Не чувствуя за собой никаких грехов, с чистой перед совестью, решаю: «Ладно, поеду сегодня, иначе не отвяжутся». Тогда я не знал, что эти двадцать минут растянутся на семь лет и два месяца...

Я заканчиваю обед и еду по указанному адресу. Там находится ДРО — Департамент режимных объектов — МВД России. Своего рода государство в государстве. Свое оперативно-розыскное бюро. Своя прослушка, своя наружка и прочие секретные службы. Сколько таких секретных подразделений с надуманными функциями в нашем царстве-государстве существует? Им же не сидится просто так, им же надо что-то делать, вопросы важные решать. Вот и придумывают они эти вопросы, и сами же их решают. И все вроде как при деле. Лучше бы вообще ничего не делали. А так получается, что за наши денежки нас же и сажают, а вдобавок и обируют. Все в России с ног на голову поставлено, забыли, кто для чего и для кого создан. Если бы каждый делал то, что должен делать, жить стало бы гораздо лучше. Но мы живем в России...

Приехал я в этот самый ДРО, спрашиваю на проходной следователя, а там засада! Ждали меня. Время 14:15. Окружили, накиннулись, вручили мне повестку на допрос в Генеральную прокуратуру на 15:00 по адресу Технический переулок, дом 2. Приглашают пройти в милицейский автомобиль — «газель» с надписью «ГАИ». Я искренне недоумеваю от происходящего и спрашиваю: «А зачем весь этот маскарад, почему нельзя было мне просто дать повестку в Генпрокуратуру?» Вопрос повисает в воздухе. Позже выяснится, что после первого допроса в Генеральной прокуратуре за мной было установлено наружное наблюдение. В этот день они меня потеряли и таким «хитроумным» способом решили заманить в ловушку. Так меня и поймали. Я не

удивлюсь, если кто-то за эту «спецоперацию» получил орден, медаль или продвижение по службе.

Благодаря доблести и отваге сотрудников ДРО я под конвоем был доставлен на допрос в Технический переулок точно к назначенному времени. Иными словами, я был банально похищен сотрудниками милиции. Меня привозят в здание Генпрокуратуры, мы поднимаемся на четвертый этаж. Заходим в кабинет, мелькают незнакомые лица. Позже я узнаю их фамилии — Каримов, Хатыпов, Алышев, Русанова, Ганиев... Я отказываюсь от услуг адвоката, мне вручают постановление на обыск квартиры, куда мы едем всей толпой. Дома никого нет. Приглашаем понятых. Я звоню близкому другу Леониду и прошу срочно приехать. Искали везде. Перевернули все, вскрыли потолки в ванной комнате, облазили все шкафы, залезали под ванну, рылись в вещах. Что искали — не знаю. Думаю, они сами не знали, что ищут. У меня ничего не пропало. После обыска мы возвращаемся в Генеральную прокуратуру. Опять допрос — беседа без адвоката, от услуг которого я отказываюсь. Мне вручают постановление о задержании. Следователь Хатыпов любезно разрешает позвонить жене и сообщить об аресте. Время около двенадцати ночи.

Я выдавливаю из себя слова:

«Ира, меня арестовали».

«Хорош прикалываться!» — не верит она мне.

«Да точно арестовали», — продолжаю настаивать я, понимая, что и сам не верю собственным словам.

Даю трубку следователю.

«Следователь Генеральной прокуратуры по особо важным делам Хатыпов», — представляется он.

Жена не верит, и я слышу на другом конце:

«Леня, хорош меня разыгрывать».

Она приняла следователя за моего близкого друга, но уловив холодные нотки в голосе, поняла, что это серьезно. Ощущение розыгрыша, чьей-то злой шутки долго не покидало меня. Мне казалось, что вот-вот откроются двери, все закончится и я вернусь к привычной жизни. Но все растянулось на долгие годы...

Начало первого ночи. Из Генеральной прокуратуры меня везут на Большую Пионерскую улицу в ДРО. Любопытная деталь, резанувшая слух: сотрудники этого загадочного департамента представлялись вымышленными именами и фамилиями. Мне предлагают выбор. Ехать в ИВС (изоляция временного содержания) или остаться в здании ДРО и ждать какого-то генерала, который будет меня допрашивать и решать вопрос о целесообразности моего задержания. Хватаясь за спа-

сительную соломинку, я выбираю последний вариант. Если посмотреть документы, то с момента моего задержания в 23:50 16 декабря до 15:00 17 декабря, когда меня «оприходовали» в ИВС, меня нигде нет...

Я сижу в коридоре, устроившись в выдавшем виды кресле, и пытаюсь осмыслить происходящее. Рядом сидят трое моих охранников — молодые милиционеры. Из кабинета выходит пьяный высокий человек в штатском. «А почему у нас арестованные без наручников сидят?» — заплетаящимся языком говорит он и вплотную подходит ко мне. Я спокойно встаю, смотрю ему в глаза. Он выше меня сантиметров на пятнадцать, где-то под метр девяносто. Меня накрывает запах перегара. Взявшись за воротник моей куртки, он резко стягивает ее мне за спину — так, что мои руки становятся будто скованы. «Если он меня ударит, заеду ему в ответ с ноги», — думаю я и продолжаю спокойно стоять. Я встаю поудобнее, полубоком, шире расставляю ноги. Он чувствует мой настрой и мешкает. Понимая, что запахло жареным, один из охранников бежит за каким-то старшим товарищем, и они уводят этого подонка. Наутро один из сотрудников этого заведения, представлявшийся мне Василием (хотя коллеги почему-то называют его Александром), будет извиняться за этот инцидент...

Видимо, во избежание подобных ситуаций (кто знает, много ли у них там пьяных отморозков по кабинетам сидит?) меня проводят в кабинет местного руководства. Кабинет № 3. Небольшая приемная на два кабинета. Начальник и заместитель начальника восьмого управления. Полковник Флоринский и подполковник Зелепущенков, в кабинете которого я и проведу остаток ночи. Здесь же сидят мои сторожа, не спускающие с меня глаз. Ночью заходит еще один товарищ в штатском, интересуюсь моей жизнью. Сообщает, что скоро приедет генерал и все решит. Генерал явно не торопится. Слышу какой-то шум, суету, топот, хлопанье дверьми. Явно приехал этот товарищ. В кабинет заходит обычного вида человек среднего роста, здоровается. Сторожа уходят, и мы остаемся одни. Вошедший представляется руководителем бригады, осуществляющей оперативное сопровождение процесса. Он торжественно сообщает свое звание и показывает мне удостоверение. Делает он это очень странно: не выпускает документ из рук, закрывая фамилию мизинцем. На фотографии я действительно вижу человека в форме генерал-майора. Это не официальный допрос, а беседа. Мне он настоятельно советует признаться во всем. Не понимая, в чем я должен признаваться, я смотрю на него как на сумасшедшего.

«Да ты не знаешь, что у нас на тебя есть!» — произносит он, извлекающая из портфеля какой-то лист. Лист оказывается резюме, ранее разосланным мной в кадровые агентства.

«Точно сумасшедший», — думаю я.

«Ты нас не интересуешь, — продолжает этот тип. — Дай показания на Брудно, Лебедева, Ходорковского и иди домой, живи спокойно. Надо только признаться».

Я действительно не понимаю, в чем я должен признаться.

Неизвестный генерал настаивает:

«Да тебе дадут двенадцать лет, по УДО ты не выйдешь, а когда освободишься, сын вырастет и пошлет тебя на три буквы, жена бросит...»

Мне страшно хочется спать, а я слушаю этот бред и не понимаю, что происходит. Какие двенадцать лет, за что? Что этот идиот несет? Когда же это закончится? Чего от меня хотят эти странные люди?

Этот генерал по фамилии Юрчеко был далеко не сумасшедшим и нес отнюдь не бред. Фактически он оказался ясновидящим и знал, что говорил. Через два года и восемь месяцев, которые я проведу по тюрьмам, мне дадут одиннадцать лет строгого режима. По УДО я не выйду. Я отсижу свой срок до конца. Но все это еще впереди...

Беседа продолжается несколько часов. Меня уговаривают, угрожают, убеждают. Мне же не в чем признаваться, я не обладаю тайными знаниями и не могу сообщить ничего интересного.

Мы не понимаем друг друга и разговариваем на разных языках, мы оба устали. Наконец «дружеская» беседа завершается. Мы разъезжаемся каждый по своим делам. Генерал едет совершать другие подвиги, а меня везут в ИВС, который находится совсем рядом, на улице Шипок, скрываясь за воротами с надписью «Пожарная часть, МЧС». Меня обыскивают, отнимают ремень, шнурки, часы, деньги, документы и проводят в полутемную камеру размером два на три метра. К стене примыкают широкие деревянные нары, предназначенные для нескольких человек, постамент с дырой для справления естественных надобностей и умывальник без кранов (вода открывается снаружи надсмотрщиком, для чего надо стучать в дверь.) На стенах так называемая шуба — это рельефное бетонное покрытие, в углублениях которого скапливается грязь.

Я сажусь на эти нары и глубоко задумываюсь. Впервые за сутки я остаюсь наедине с собой. Все это время я не спал и не ел, мне кажется, что это какой-то сон. Я пытаюсь себя ущипнуть, закрываю и открываю глаза, трясую головой в надежде, что я проснусь и окажусь в другом месте. Но, увы, ничего не меняется.

Гремят засовы, открывается дверь, и ко мне входит интеллигентного вида человек. Товарищ по несчастью. Его якобы задержали за экономические махинации, о чем он охотно рассказывает, вызывая меня на откровенность. Я без утайки рассказываю свою историю. Ус-

лышав слово «ЮКОС», он мне тут же сообщает: «Я учился с братом Брудно, не знаешь такого?» С одним из акционеров компании, Михаилом Брудно, я встречался несколько раз по работе, но не знал его настолько хорошо, чтобы быть осведомленным о членах его семьи, тем более о существовании брата. Мне становится очевидно, что «товарища по несчастью», имеющего как минимум звание майора, подсадили ко мне намеренно, с определенной целью.

Опять лязг и скрежет металла, открывается дверь, и меня просят выйти. За мной приехали. Надевают наручники, сажают на заднее сиденье седьмой модели «жигулей» без опознавательных знаков и везут на допрос в Генеральную прокуратуру. Опять это мрачное здание. Поднимаемся в уже знакомый кабинет, где меня ждут следователи. Их много. Мне предлагают адвоката, от услуг которого я упорно отказываюсь. Я прошу дать мне возможность позвонить, в чем мне тоже отказывают. Начинается беседа. Кто-то входит и выходит, кто-то играет роль злого следователя, а кто-то доброго. Мне рекомендуют признаться и дать показания, пока не поздно. Дружеской беседы явно не получается. Один следователь, человек маленького роста, щупленький такой, одетый в серый костюм, при галстукке и белых носках, срывается. Он визжит и брызжет слюной: «Иваныч! Ты же русский! Что тебе эти евреи, эти Борисовичи?!» Он явно психически не здоров и опасен для общества.

Я не чувствую угрозы, не осознаю реальности происходящего. Мне кажется, что я попал в дурдом. Даю согласие ответить на вопросы под запись на диктофон без присутствия адвоката. Рассказываю всю правду: свою биографию, как попал на работу в ЮКОС, с кем знаком, чем занимался в компании. Правда их явно не устраивает. Меня проведут в другой кабинет, к уже знакомому «доброму» следователю по особо важным делам господину Хатыпову. Он мне делает официальное предложение сказать то, чего не было. Мне это кажется дурным сном или сценой из дешевого кинофильма...

Команду следователей для нашего дела собирали со всех уголков нашей необъятной родины. Призваны были лучшие кадры. Но возможно, что на местах решили избавиться от худших. Костяк группы — представители Башкирии. Руководитель следственной группы Каримов, его заместитель Хатыпов и Ганиев. Были здесь и представители Волгограда, Белгорода, Курска и даже Мичуринска... Они приехали покорять Москву и сделали головокружительную карьеру.

Я действительно не понимаю, в чем меня обвиняют. «Добрый» следователь Хатыпов вежливо предлагает мне чай, башкирский мед, конскую колбасу и рисует перспективы освобождения. Есть совсем не хо-

чется. Спать тоже. Придумывать то, чего не было, мне не хочется, как, впрочем, не хочется и конской колбасы. Разговор явно не клеится...

Так и не отведав башкирского меда, возвращаюсь в ИВС. Мой сокамерник, к счастью, куда-то испарился. Я остаюсь в камере наедине со своими мыслями. Ложусь на нары, пытаюсь уснуть. Не сплю вторые сутки, а сна ни в одном глазу. Казалось, вот только закрыл глаза на мгновение, а уже опять гроыхает железная дверь, и меня везут на допрос. В тот день я не вернусь в изолятор временного содержания. Закончатся те самые сорок восемь часов, в течение которых меня имеют право здесь держать. У них было всего два варианта. Либо отпустить меня домой, либо предъявить обвинение и решить вопрос с судом о мере пресечения. Именно решить. Находясь в прокуратуре, я случайно услышал разговор двух следователей.

«Надо только Фею предупредить», — говорит один другому.

«Да я уже ей отзвонился, все в порядке», — непринужденно отвечает другой.

Позже я узнаю, что так они между собой ласково называли председателя Басманного суда. В тот день состоится мое первое знакомство с судом, чье название породило фразу «басманное правосудие». Здесь же я впервые увижу господина Лахтина, нагло и цинично враншего, что я могу скрыться и меня надо держать в тюрьме. Мои слова о том, что я пришел на допрос добровольно и ни от кого скрываться не собирался, остаются неуслышанными. Судья быстро, как бы между делом, решает вопрос о моем аресте. Легко и непринужденно, словно выпивает стакан холодной воды, она выносит решение: «В связи с особой опасностью и возможностью скрыться избрать меру пресечения арест». Точка. Я воспринимаю арест как чью-то злую или неудачную шутку.

«Какая тюрьма? — мое сознание отказывается воспринимать происходящее. — У меня же билеты на самолет на руках, отель оплачен, а сын так долго ждал этой поездки!» Мне кажется, что все вот-вот обрывается и закончится, но «шутка» затягивается.

Мне предъявляют предварительное обвинение, которое позднее, отредактировав, перепредъявят. Понять, в чем меня обвиняют, невозможно. Недаром на тюремном сленге этот документ называют «объебон». В этом вся суть. Лучше не скажешь. У меня появился адвокат Яртых, которого я искренне просил разъяснить смысл предъявленных обвинений. На «объебоне» (извините за ненормативную лексику, но иным словом ту бумагу назвать не могу) я написал: «Обвинение мне непонятно». Позже я отказываюсь от услуг этого адвоката, который, по странному стечению обстоятельств, через несколько лет будет

защищать интересы моего «ночного гостя» — генерала, к тому времени уволенного из МВД.

* * *

Каждый человек имеет собственную картину мира, порой отличающуюся от реальной. Когда две картины не совпадают, возникает серьезный конфликт. В моей — наверное, наивной — картине мира Генеральная прокуратура и суд были вершиной закона и правосудия, и я надеялся на справедливость, на то, что они разберутся и меня вот-вот отпустят. Эта наивность помогла пережить все эти события. Я всегда чего-то ждал. Ждал суда, когда в очередной раз будут рассматривать вопрос о продлении срока ареста, надеясь уйти домой из зала суда. Ждал окончания суда и вынесения приговора, надеясь быть оправданным. Ждал кассационного рассмотрения жалобы на приговор в Мосгорсуде, затем рассмотрения надзорных жалоб в Мосгорсуде и Верховном суде... Уж и срок прошел, а я все жду. Я не признал свою вину, не согласился с приговором. Моя жалоба на приговор ждет своего часа в Европейском суде по правам человека уже шесть лет...

Здравствуй, Бутырка!

Из суда в автозаке меня везут в Бутырку. Я выпрыгиваю из машины. Здание, построенное еще во времена Екатерины Второй и подходящее больше для музея, производит сильное, хотя и гнетущее впечатление. Огромные ворота, высоченные потолки. Лязг открывающихся запоров, звуки хлопающих дверей гулким эхом разносятся по всему огромному коридору. Подсознательно ты чувствуешь, как вся эта махина нависает над тобой, придавливает, готовая обрушиться на тебя всей своей мощью, от чего становится не по себе...

Меня заводят на сборку — помещение, где людей могут держать сколь угодно долго, пока не распределят по камерам. Нас человек шесть. По очереди выводят на некое подобие медицинского осмотра, фотографируют «на память», снимают отпечатки пальцев — после чего ты долго не можешь отмыть руки от густой черной краски. Мы все только что с воли, разное стечение обстоятельств привело нас сюда. Завязывается обычная беседа, все делятся впечатлениями и своими бедами. Молодой парень лет двадцати не без гордости рассказывает свою историю и даже хвастается тем, что следователь ему польстил, сказав, что у него хороший вкус. Он украл бутылку вина из магазина, стоимость которой превысила порог административного наказания, и ему светит уже не штраф, а срок... Мне же и сказать нечего, а тем более похвастаться...

Не понимаю, в чем меня обвиняют, долго ломаю над этим голову. Речь идет о хищениях нефти. Работая в дочерней компании ЮКОСа на Кипре, я не подписал ни одного платежного документа.

В структуру ЮКОСа входило несколько нефтедобывающих компаний, каждая из которых теоретически могла самостоятельно заниматься реализацией нефти. Но поскольку у всех этих компаний был один собственник, в холдинге была создана единая централизо-

ванная структура, занимающейся реализацией нефти всех добывающих компаний, входящих в ЮКОС. Для этого были созданы специальные торговые компании, в одной из которых я и трудился. Торговые компании покупали нефть у нефтедобывающих компаний, например у «Юганскнефтегаза», и перепродавали ее конечному потребителю. В результате акционеры получали существенную экономию за счет сокращения издержек (не надо держать штат специалистов по продажам в каждой нефтедобывающей компании), а прибыль, получаемая трейдерами, оставалась у тех же акционеров, так как все эти компании входили в один и тот же холдинг — ЮКОС. Ничего нового в этой схеме не было: так работали и продолжают работать все крупные компании.

Компания, где я работал, **покупала** нефть у ЮКОСа. Поскольку платежами я не занимался и даже не имел права распоряжаться счетами, с которых производились все платежи, у меня возникает мысль, которую я мгновенно отбрасываю: «А что, если не заплатили за нефть?» Для всех расчетов и управления счетами была создана специализированная финансовая компания в Швейцарии, которая и осуществляла все платежи. «Нет, такого не может быть! — отчаянно рассуждаю я. — Я же сам для наших аудиторов запрашивал у них выписки по счетам, все контракты, они же все проверяли!» Я успокаиваю себя: «Какие хищения?! Это невозможно!» Понимание придет намного позже, поэтому я долго не могу понять, о каких хищениях идет речь. Как оказалось, по версии обвинения была украдена нефть у нефтедобывающих компаний. «Сколько?» — спросите вы. А вся, которую добыли за все время существования ЮКОСа! Что мелочиться?! И даже немного больше. Когда? Где? Оказывается, украли в тот самый момент, когда, например, «Юганскнефтегаз» продавал эту самую нефть торговой компании, в тот момент, когда на счет «Юганскнефтегаза» поступали деньги за проданную, то есть «украденную» нефть.

«Что за бред! Как это возможно?» — спросите вы. Возможно, еще как возможно! Это чудовищно-абсурдное умозаключение чьего-то воспаленного мозга легло в основу нашего приговора и было намертво забетонировано многочисленными решениями судов...

Тогда, в сборке, я еще всего этого не знал и не понимал...

Тюремные университеты

Мне выдают видавший виды матрас, одеяло, убогое казенное белье, алюминиевую посуду и ведут в камеру. Четырехместная камера с разбитым окном. Здесь уже двое, одного из них тоже только что привели. Мы знакомимся. Гена, зэк со стажем, лет тридцати четырех, становится первым преподавателем в моих тюремных университетах. Он не может толком рассказать, за что сидит, но говорит много и увлеченно. Второй наш сокамерник так же, как и я, первоход. Молодой парень, студент юридического факультета МГУ. Приехал из Иваново и поступил на бюджетное отделение. Он лимоновец. Его взяли за захват кабинета в здании администрации президента. Ребята зашли в здание, используя строительный пистолет, забаррикадировались в одной из комнат, вывесив из окна плакат «Долой Путина». Шили им статью «попытка вооруженного захвата власти». Срок до двадцати пяти лет! Что это? Особое рвение следователя, очевидно, страдающего шизофренией, или стремление полного идиота выслужиться? Про свои похищенные тринадцать с половиной миллиардов долларов и отмытые восемь с половиной я тогда еще не знал, и на вопрос, за что меня закрыли, не мог дать вразумительного ответа. А история о вооруженном захвате власти закончилась относительно благополучно. Этих ребят осудили по «хулиганке», дав незначительные сроки.

Вова, как и я, внимательно слушает своего наставника. Мы находимся в котловой хате (камере), где сходятся все дороги. Сплетенные из ниток канатики связывают практически все камеры Бутырской тюрьмы. По этим дорогам идут груза — кофе, чай, сигареты и малявы — переписка заключенных. Бывалый Гена виртуозно управляет этими нитями: получает тюремную почту, сортирует ее, что-то перекладывает, переправляет ее дальше адресатам в другой корпус

тюрьмы... Он ни на минуту не останавливается — спать он будет днем, когда дорога закроется. Я замороженно смотрю на это действие и воспринимаю происходящее как маленькое приключение.

Ночь проходит незаметно. О том, что наступило утро, мы узнаем по лязгу открытой кормушки, из которой появляется нехитрый завтрак — кусок хлеба, жидкость, именуемая чаем, и каша... Я пытаюсь поесть тюремной баланды, но не могу этого сделать. Не сплю и не ем уже трое суток. Лязг металла о металл. Продольный, иными словами — надзиратель, стучит ключом от камеры по железной двери. Называет мою фамилию и сообщает: «С вещами по сезону». Меня везут на очередную профилактическую беседу в прокуратуру. Без адвоката. «Лица стертые, краски тусклы...» — так я могу описать свое состояние тогда. Очевидно, я был похож на сомнамбулу или человека, впавшего в измененное состояние сознания. Память запечатлела выпитый стакан чая и съеденный бутерброд.

В это время адвокат и все мои близкие находятся в панике, приближающейся к шоку. Для них я опять пропал. В Генеральной прокуратуре моему адвокату сообщили, что я в Матросской Тишине. Отстояв приличную очередь, он, к своему удивлению, узнает, что меня там нет. Он опять в прокуратуру, где ему сообщают о якобы имевшей место ошибке и... опять обманывают. Адвокат едет в Бутырскую тюрьму. Но в это самое время меня переводят в Матросскую Тишину. Представьте удивление адвоката и ужас моих близких, когда меня и там не обнаруживают...

Пытки в прокуратуре продолжаются недолго. Осознав, что я нахожусь в неменяемом состоянии, следователи меня отпускают... в тюрьму. У меня три охранника-милиционера и персональный автомобиль — шестая модель «жигулей». Я сижу в наручниках на заднем сиденье и тоскливо смотрю на пешеходов, спешащих по своим делам. Я вглядываюсь в лица водителей, проезжающие мимо машины, смотрю на готовящуюся к Новому году Москву, на недавно выпавший снег... Мы едем в Матросскую Тишину. Огромные металлические ворота, так называемый отстойник, где мои охранники сдают оружие. Лай собак. Мы въезжаем на территорию.

Тюрьма производит тяжелое, гнетущее впечатление. Тюремщики явно не радуются моему приезду. После недолгих препирательств подписываются какие-то бумаги, и меня сдают на руки. Тюрьма принимает меня. Странное место. Зловещее место горя и скорби, зла, отчаяния и боли, где сплетаются воедино все человеческие пороки. Меня всегда удивляли сомнительные праздники работников ФСИН. Не так давно с помпой отмечали юбилей Владимирского централа, которому

исполнилось сто лет. Пригласив многочисленных гостей и журналистов, тюремщики хвастались тем, что у них сидели Даниил Андреев, Русланова и другие незаконно осужденные известные люди. Здесь стыдиться надо, а они этим гордятся. Что тут скажешь?

Матросская Тишина

Меня заводят во внутренний дворик тюрьмы, где я долго чего-то жду. Я уже не знаю, сколько сейчас времени — ему потерян счет. Часы, по каким-то непонятным причинам являющиеся запрещенным предметом, изъяли у меня еще в Бутырке и «забыли» вернуть. Мне кажется, что проходит целая вечность. Меня заводят внутрь тюрьмы и закрывают в стакане — маленьком темном помещении, где можно только стоять. Нет, там есть подобие лавочки — дощечка шириной сантиметров десять, прикрепленная к стене и, очевидно, предназначенная не для сидения, а для издевательств. Уверен, какой-то специалист НИИ ФСИН (такой на самом деле существует!) написал как минимум кандидатскую диссертацию на тему вроде такой: «Влияние нечеловеческих условий содержания на раскрываемость преступлений». Действительно, из тюрьмы многие мечтают поскорее уехать на зону. Не был исключением и я, но об этом позднее...

В стакане я простою очень долго. Меня выводят на медосмотр, где хмурый санитар огромным шприцом с тупой иглой берет из вены кровь для проверки на ВИЧ. Внимательно посмотрев на меня, он почему-то делится со мной своей бедой.

«Не нравится мне здесь работать, аура плохая», — в задумчивости говорит он.

«А где до этого работали?» — интересуюсь я.

«В морге», — отвечает он и тяжело вздыхает.

Мне делают снимок «на память», в личное дело, и опять берут отпечатки пальцев. Выдают матрас, белье, ложку, кружку, миску и ведут в камеру. Малый спец, камера 412. Я хорошо помню этот момент — он намертво врезался в мою память. Это была уже настоящая тюрьма. Открылись тормоза — дверь, — и я вхожу в камеру. Запах, тусклый свет, веревки, натянутые вдоль и поперек, на которых сушатся вещи, кото-

рые по определению не могут высохнуть из-за перенаселенности камеры и только пропитываются запахом. Разбитые стены. Люди везде, они заполняют все пространство. Я зашел словно в переполненный автобус. Кто-то стоит, кто-то сидит, кто-то лежит. Разруха полная. Такого я не видел даже в кино.

В камере находится восемь двухъярусных железных кроватей, стоящих вплотную друг к другу, на сорок человек. Мест не хватает, спят по очереди. Я вхожу, здороваюсь, спрашиваю, кто смотрящий. Это человек из арестантов, отвечающий за соблюдение тюремного уклада жизни — не установленного администрацией, то есть не мусорского режима, а людского порядка. Мы знакомимся. Женя — Художник — арестант со стажем, наркоман, у него ВИЧ. На свободе работал реставратором, окончив специализированное училище. Арестован по статье 158 (кража). Узнав, что я впервые попал в тюрьму, он проводит ликбез. Не здороваться за руку с обиженными (есть такая каста неприкасаемых среди арестантов), не брать у них ничего из рук, не пользоваться туалетом (дальняком), когда кто-то ест. Правила, в общем-то, просты и понятны.

Я рассказываю о себе — кто и откуда. Из нашей камеры по тюремной арестантской дороге уходит прогон по всей тюрьме — малява: мол, заехал к нам первоход, ранее не сидевший Володя Переверзин из Чертаново, по статьям 160 и 174.1. Делается это везде и всегда, для того чтобы спросить и наказать арестантов за прошлые проступки и грехи. Тюремное сообщество живет по своим, подчас более справедливым — людским — правилам жизни. Здесь ничего невозможно скрыть. Находясь двадцать четыре в сутки под пристальным вниманием сокамерников, ты становишься полностью понятен окружающим. Я вливаюсь в тюремную жизнь. Мне выделяют шконку, где можно отдохнуть. Спать не хочу, хотя пошли уже четвертые сутки бодрствования. Мы долго разговариваем с Женей. Мне он симпатичен и интересен. Здесь он рисует открытки для всей тюрьмы. Он уважаем и востребован. Благодарные зэки пересылают ему по канатным дорогам чай и сигареты. Здесь у каждого своя роль. Есть дорожник — человек, стоящий на тюремной дороге и отвечающий за тюремную неофициальную логистику. Постепенно я знакомлюсь с другими обитателями камеры.

Виктор утверждает, что закончил ВГИК, режиссерский факультет. Он эрудит и алкоголик, арестован по статье 319 (неповиновение сотруднику милиции) — здесь это одна из самых уважаемых статей. Иными словами, он дал участковому в морду, за что и был арестован. Виктор — мастер художественного слова и пишет для своих сокамер-

ников витиеватые письма, которые те уже от своего имени отправляют на волю возлюбленным...

В камере не хватает всего. Не хватает воздуха, еды, свободного пространства, чая, сигарет. Нет ни книг, ни газет, ни телевизора, радио запрещено. Зато есть масса свободного времени. Каждый пытается хоть чем-то себя занять, скоротать время. Бесконечные разговоры, порой абсолютно бессмысленные и пустые, а иногда и очень интересные. Я непринужденно разговариваю с одним парнем, который упоминает о своей дружбе с человеком, который сидел в этой камере до меня. Он называет фамилию Малаховский. Эта фамилия мне уже известна, хотя с ним лично я еще не знаком. Я допускаю мысль, что мог видеть его в ЮКОСе, например, за соседним столиком в столовой. Я спрашиваю моего собеседника о возрасте Малаховского. Он озвучивает его примерный возраст и доверительно сообщает, что дружит с ним и знает, в какой камере тот сидит. И вот как раз сейчас, в этот самый момент, он пишет ему маляву, любезно предлагая добавить что-нибудь самому. На мгновение у меня возникает безумная мысль: «А что, забавно вот так написать незнакомому человеку, которого тебе записали в подельники — мол, хороший повод познакомиться...» Разум возобладал над мимолетным желанием, и я не стал этого делать. Позднее я попадал в подобные ситуации не один раз. Сидел в камерах, где до меня находился Пичугин, сталкивался с людьми, которые сидели с Курциным. Только сейчас я осознаю, что ходил буквально по лезвию ножа. Обычное офисное знакомство с ними могло обернуться дополнительными годами тюрьмы для всех нас.

* * *

Мы все встретимся уже свободными людьми в ноябре 2012 года, спустя восемь лет. Света Бахмина, Малаховский, Курцин и я. «Вот и вся банда в сборе», — горько пошутит кто-то из нас. На четверых мы отсидели около тридцати лет...

* * *

Я начинаю обживатьсь в камере. Наконец-то меня находит адвокат. В этот же день мне приносят передачу со всем необходимым. Мыло, зубная щетка, паста, сменное белье, чай, кофе, сладкое... Перебирая эти сокровища, я ловлю завистливые взгляды сокамерников и ощущаю необыкновенное чувство гордости и радости, чувство уверенности в завтрашнем дне. Я понимаю, что не один, осознаю, что меня

поддерживают, обо мне заботятся. Это чувства я пронесу через все эти годы...

Жизнь начинает налаживаться. В тюрьме принято делиться. Получил передачу — отдай на общее. А общее будет перераспределено смотрящим по камере среди нуждающихся, которых большинство. В первый раз я высыпаюсь, проваливаясь в полное забытье. Сплю раз в трое суток. В камере стоит шум и гам, который сливается в постоянный гул, не дающий уснуть. Пока не дойдешь до состояния полного изнеможения, не заснешь. На клопов и тараканов, которыми все кишит, я не обращаю никакого внимания. Зато с изумлением и непониманием наблюдаю, как мои сокамерники борются с неведомой мне напастью — вшами. Самодельным кипятивником они кипятят в тазике белье, спичками прижигают швы на вещах, где скапливаются эти насекомые. Наблюдаю я недолго, до того самого момента, пока сам не ощущаю, что по мне кто-то ползает. Снимаю футболку и с ужасом вижу уже не один десяток насекомых, мирно пасущихся в моем белье, а также множество отложенных яиц. Я с энтузиазмом включаюсь в эту борьбу. Победить вшей в тех условиях было невозможно, но нанести серьезный урон противнику в локальном конфликте было вполне осуществимой задачей...

Приближается Новый год — 2005-й. Камера живет своей жизнью. Раз в неделю нас водят в душ, который почему-то всегда упорно называют баней. В душевой невероятная грязь, стены в какой-то слизи, на полу лужи по колено. Некоторые арестованные вообще не выходят из камеры. Неизвестно, что лучше — грязь или какая-нибудь инфекция из душа... Мне чудом удается избежать и того, и другого. В тюрьме положена ежедневная часовая прогулка. Тюрма днем спит, поэтому на прогулку выходят два-три человека. Я радуюсь любой возможности выйти из камеры. Хоть на час, но сменить обстановку. Увидеть небо, хотя бы и через решетку, вдохнуть глоток свежего морозного воздуха. Меня уже не смущают надзиратели, ходящие по периметру забора, окружающего прогулочный дворик. В глаза бросается надсмотрщик женского пола, с причудливой конструкцией на голове. Черные волосы наполовину прикрывает сдвинутый на бок огненно-рыжий парик, который, в свою очередь, накрывает форменная шапка... Как правило, здесь работают жители других областей, приезжающие на смену или живущие в ведомственных общежитиях...

Мы гуляем с Денисом О. Он идейный лимоновец и готов сидеть. С его коллегой «по захвату власти» я уже знаком. Денис — молодой, хороший, образованный парень, закончивший Калининградский государственный университет по специальности «учитель истории», и его